

РОССИЯ, ПРОЩАЙ И... ЗДРАВСТВУЙ?

Заметки о романе Юрия Козлова «Новый вор»

Юрий Козлов. Новый вор. М.: Книжный клуб Книготек (серия "Новая проза"), 2020. — 320 с.

КАЖЕТСЯ, прошедшие два десятилетия новейшей российской истории изменили отечественную литературу. Вроде бы отболев и либеральненько-субъективистским прекраснодушным ковырянием, и постмодернистскими ядовитыми фантазмагориями, и псевдоинтеллектуальными "открытиями" по западным методичкам, и патристической — часто — невнятицей и религиозным эскапизмом, редко — булатной точностью злости, русская литература последних лет берёт на вооружение именно последнее, отточив булат горьким опытом и долгой мыслью. Пять лет я пишу о том, что неравнодушный русский интеллигент должен внимательнее присмотреться к творчеству псевдо-постмодерниста В. Пелевина. И, читая недавние "жёсткие" романы уже известных современных авторов, убеждаюсь, что была, да, была в таком моём мнении хорошая доля истины.

"Прощай, Россия!" — с сожалением проговорил два десятилетия назад Дж. Кьеза. И словно не было этой эпохи (славной эпохи "поднятия России к колен") — этими же словами можно резюмировать пульс романа Юрия Козлова "Новый вор". Казалось бы, многое изменилось и, вроде бы, к лучшему в "нашей" стране. Но вот цитаты из первой главы:

"Понятие "вор" было растворено в "гуще жизни", присутствовало неуловимым элементом во всех кукольных образах, как в девятнадцатом, допустим, веке понятие "православный". Новый российский мир был новым (в смысле всеобщим и всеобъемлющим) вором. Все флаги, то есть куклы, точнее, все воров в гости к нам. Потом — не с пустыми руками — от нас. А мы — к ним с тем, что осталось. Навсегда. Когда здесь всё закончится. Так выглядел сюжет пьесы.

Истомлённые и по разным причинам не преуспевшие в вооружённой борьбе, которым предстояло доживать в освобождённой от природных и прочих, за исключением духовных, богатств России, ждали финального акта, но он беспощадно затягивался. Костюмы и занавес ветшали, кресла под зрительскими крипелли, а куклы продолжали трястись на сцене, в сотый раз повторяя выученные роли...

Обобщённый не-вор (народ) устал терпеть торжествующего над ним обобщённого вора. Огненные буквы со стены вавилонского дворца Ватласара как бы размазывались по миллионам лиц, стягивая их в готовый к извержению, полпыывающий лавой вулкан".

Такова антреприза, таков авторский тезис. Дальнейший сюжет — мастерское интеллектуально-художественное развитие, исполненное средствами небольшого романа весомейшей (тяжкой) думы о прошлом, настоящем и будущем — не РФ, а исторической России и её народа. Действительно, "Новый вор" — это новая проза, слово, сказанное тогда, когда у страны (да и у мира в целом) совсем не осталось времени для слов.

Новая проза, кажется мне, перестала быть сколько-нибудь сентиментальной. То, что Белинский некогда превозносил под именем поэзии, в ней нет совсем. В ней нет птичьего пения, радующего душу пейзажа, нет росинки и лепестка для этой росинки, нет выткавшегося на озере алгого света зари... Если в ней есть ямочки на щёчках, то они играют техническое значение метки, позволяющей отличать сексуальных партнёров: у этой были ямочки, а у той, кажется, татуировка. Новой прозе ни до чего перечисленного нет дела (и это само по себе говорит о многом) — новая проза похожа на следователя, она

и есть — следователь, задача которого: допросить ту гибель, что крепко взяла нас за горло. В романе Юрия Козлова мы встречаем тут и там прекрасные, яркие, отточенные обороты-образы. Но они — это скорее дань литературного вкуса — галстук, запонки и одеколон исследователя, который, хоть и не без сожаления, но оставляет и Белинского, и поэзию за дверью. Новая проза — это когда от "души" остаётся только конфигурация и степень напряжения цинической мысли, только форма и степень подтантовости тела как сексуального агрегата. Но ведь мы знаем, что, как правило, в жизни всё обстоит именно так.

Главный герой романа — яркий представитель второго поколения новорусской номенклатуры, почти сорокалетний "министр по развитию приграничных территорий" Перелесов. Правнуку номенклатурной сталинской партийки, сыну не весьма успешного позднесоветского театрального режиссёра, так и не принятого в постсоветские этажи, Перелесову мало что светило. Но в жизни его матери (номенклатурной внучки с Кутузовского проспекта) явилось истинное светило: воспитанник гитлерюгенда, бывший новобранец армии Паулюса, а в 1990-е — пожилой, но ещё крепкий бизнесмен с большими тайными всемирными связями, победитель в Холодной войне, снисходительный духовно-экономический оккупант России — господин Герхард. Мать Перелесова делает правильный выбор, господин Герхард проявляет благосклонность, и Перелесов-юноше открывается Европа, весь мир и правильное элитное учебное заведение. Душа отдана в правильный заклад, начинается обеспеченная жизнь и путь наверх — как оказалось, по решению иностранных партнёров и друзей России, — путь в российский правительство.

Опытность автора сказывается в его безупречном умении переплести на небольшой, в общем-то, дистанции большое количество интеллектуально-политических, исторических, политологических, детективных и просто эротических картин в очень большое общее содержание романа. Романа, своей всеобъемлющей актуальностью, крайней серьёзностью и последней прямотой напоминающего то ли алебарду, то ли шпагу, то ли железнодорожный костыль в крышку темы... А может быть, напоминающего факел. который детям не игрушка...

Мне кажется, есть вопрос, который должен быть задан, но который у нас почему-то не любят задавать. Вопрос такой: а могло ли быть выстроено или симитировано в РФ за эти десятилетия хоть что-то иное? Мы — обыватели, писатели — все, что недостаточно информирован, вместо пессимизма сохраняем или сохраняли на этот счёт больше оптимизма, чем следовало.

Сначала давайте спросим себя: с кем, с кем мы, земля и население, и власть, одна восьмая "мировой суши", на 60% состоящая из непригодных для человеческой жизни территорий (большая часть пригодных отторвана в 1991-м), и 2% мирового населения при 5% мирового ВВП имеем дело? Мы имеем дело с подавляющим людским, экономическим и технологическим превосходством Запада (а, впрочем, и Востока). Кроме этого, ещё раз: с кем мы имеем дело, мы — вчерашние советские, исторически православные всечеловеческие романтики? С акулами, тиграми, капитанами производства, волками и шакалами, викингами и мёртвыми головами, биржевиками, пиратами, рабовладельцами, колонизаторами, иезуитами, ростовщиками — и все они переплелись меж собой в тысячекратный миллиардный клубок, давно и прочно держащий весь этот мир за глотку...

Удивительно то, что за всю эпоху развитого капитализма (после 1850 г.) Россия только однажды смогла относительно успешно вмешаться в глобальную борьбу — когда ею самой управляли... нелюди.

Хотел бы сегодняшний тридцатилетний человек в чистой рубашке, в той или иной мере обладающий теми или иными благами цивилизации (да элементарно — светом, водой, теплом, хлебом...), — хотел бы он оказаться на ударной стройке станкостроительного завода "Молот" (о смерти которого ярко пишет Козлов в "Новом воре") — стройке под открытым небом? Усугубим и спросим: хотел бы современный россиянин оказаться на новом Куликовом поле? А ведь вопрос восстановления субъектности и исторической перспективы для России стоит именно так глубоко и железобетонно. Комфортная смерть вдовую или героическая смерть вбystрую — причём безо всяких гарантий, что смерть эта не окажется напрасной, более того — спровоцированной, как в первую и вторую мировые войны...

Получается, как ни странно, что главный вопрос, который должен быть нами сегодня самим себе задан, — вопрос религиозный: чего ради? Ну не поднимет же современная больная Россия над собой чёрное знамя Донского с ликом Иисуса Христа?.. Посему тот компромисс, пусть временный и тупиловый, на кромке которого пытаясь удерживать страну (внутреннее омертвление страны) её теперешнее правительство, является, возможно, единственным вариантом геополитико-исторической тактики и стратегии.

Правда, глубоко осмысливающий ситуацию Юрий Козлов устами своего героя многозначительно констатирует: время бездвигательности, время всепогодного самопаралича прошло. Делать что-то придётся, что-то резкое, энергичное, не обратимое...

Думаю, в конечном счёте всё довольно просто. Попытка вывести из властной и бизнес-вертикали воров (как грызунов из амбара, моль из шкафа, вшей из белья, жука с картофельного поля, тлю из малинника) будет воспринята врагом как объявление войны. Потому Россия имеет только две возможности развития событий: 1) сдача крепости и 2) укрепление крепости.

И первое, и второе в пространстве "Нового вора" продумано, можно сказать, до конца; и полезно, хоть мельком, взглянуть на эти авторские выводы.

Какая невидимая и непреодолимая сила влечёт развитую часть мира туда, куда она на наших глазах движется: к всевозрастающему политико-мировоззренческому хаосу и небытию? Запад (а за ним — остальная мир) ступил на какой-то роковой путь...

Итак, отступление и сдача — подобны смерти с предшествующим периодом НТП. Перелесову, даже ему, чуждо богатство его — в Лиссабоне, у пережившей старого Герхарда матери — становится грустно. "По всем расчётам, русский народ должен уступить территории, раствориться в некой безнациональной сущности к 2050 году". Грустно.

Ну а если не космополитизм Перелесова, если нам с вами — беструстно и угасающим россиянам, — как же должно быть грустно нам? Ну или хотя бы этим-то, этим акционерам ЗАО РФ, им-то какво? Поскольку врата рая — Запада — для них без капитуляции (а значит, без разорения!) закрыты...

Но Юрий Козлов продолжает свой обвинительный акт России фарса и абсурда, России лудоковод, загнанных в политэкономический тулуп. Русский писатель мог бы сказать им, что существует лишь один выход — к "собственному" народу, к настоящей русской истории... Но нет. Когда нежданно обвалились в накатанные докритские времена пути "...точно по числовому лучу, или светоносному коду: власть — деньги — прощай, Россия!", тогда, в последние годы, "...правда, пунктирно высветился ещё один, пока не луч, но набирающий

Русский советский писатель Юрий Вильямович Козлов

силу пульсирующий пучок: власть — деньги — Россия — крепостной лабёж — концлагерь". То есть, либо-либо: либо-таки Троцкий, либо Сталин...

Юрий Козлов пишет свой роман в некое межуточное-промежуточное время. Оно обогащено ещё третьим вариантом. Это уже Гоголь: можно сдать "пилигримам" транснациональные российские активы (ресурсы) и вернуться на двести лет назад, к крепостному праву, к почве и, как встарь, обходиться без нефти и газа — одним народом.

Безусловно, в романе "Новый вор" есть — пусть не строго сообразуемое, но в самом душевном акте — совпадение с "Не могу молчать!" Льва Толстого. Правда, Толстой, отрицая, шёл в мир с положительной программой духовного (во всяком случае, сам он считал так) действия. Юрий Козлов (на данном этапе) — только отрицает. Будем справедливыми: минувшее после Льва Николаевича столетие не прошло для мира даром. Но правда ли, что нам теперь остаётся лишь горчайшая ирония (или даже издёвка а la В. Сорокин)?

Российская интеллектуальная проза — "новая проза" — в последние годы становится, на мой взгляд, всё более радикальной. Она становится всё более вопрошающей. Вопросы тяжелейшие и вечные: как, куда, в каком составе идти миру? Ощущение, будто где-то под земной корой уже вовсю тикает бомба Апокалипсиса. Вопросы, да, они всегда нелегки. Но есть ли, возможны ли ответы?

Что предлагает Юрий Козлов? По некоторым приметам можно подумать, что единственный выход для России так и остался ждть нашу страну в далёких, уже невозвратных 1930-х. В эпоху, когда консервативный вождизм в Европе готовился столкнуться с национал-большевистским вождизмом в СССР. Между этими Сциллой и Харидбой тогда пролегла линия фронта, на которой и задерживает свой внимательный взгляд Юрий Козлов...

Максим ЕРШОВ

Печатается в сокращении, полную версию читайте на сайте zavtra.ru

Дневник карателя. Эрих фон Бах-Зелевский / Авт. сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун; пер. с нем. И.И. Ковтун. — М.: Вече, 2021. — 448 с.: ил.

АВТОР этого дневника присутствовал на Международном военном трибунале в Нюрнберге, но не в качестве обвиняемого, а как свидетель обвинения со стороны США, хотя и являлся одним из главных руководителей истребительной политики на оккупированной территории СССР и был причастен к уничтожению огромного числа людей. Несомненно, что при ином развитии ситуации он был бы казнён, как Фридрих Еккельн, поскольку их действия в период Второй мировой войны отличались лишь нюансами. Но "холодная война" диктовала свои правила, и нацисты не только находили укрытие на Западе, но и делились там "опытом". Так, знания Бах-Зелевского, лично осуществлявшего карательные акции, вызвали теоретический (а возможно, и практический) интерес в вооружённых силах США, о чём упоминается во вступлении к книге.

Военный дневник Бах-Зелевского за 1941–1945 годы интересен тем, что, несмотря на поздние правки автора, он достаточно чётко отражает хронику событий.

В структурном плане военный журнал Баха-Зелевского состоит из трёх частей. Первая включает в себя фрагменты переписки с женой, заметки личного плана, размышления о своей жизни и службе, о войне, о взглядах на религию, о противнике, о международном положении; фрагменты личной переписки между Бах-Зелевским и Гиммлером, а также германскими военачальниками.

Вторая состоит из оперативно-служебных документов (сводки и донесения); предложения по вопросам, касающимся использования частей СС и полиции в борьбе с партизанами; отчёты о проведении антипартизанских операций в Белоруссии, на Украине и в Европе; личные приказы Гиммлера, направленные Бах-Зелевскому, приказы о назначении Бах-Зелевского на командные должности и подчинение ему соответствующих частей и соединений войск СС; сообщения и фрагменты документов об использовании коллаборационистов; фрагменты доклада Бах-Зелевского о генерале А.А. Власове; немецкие пропагандистские материалы.

КАРАТЕЛЬ

Зверства СС
от первого лица

более того — идеологически и карьерно мотивированного на создание и совершенствование системы уничтожения.

В обширной вступительной статье Д.А. Жуков и И.И. Ковтун подробно представляют биографию автора дневника, верно отмечая, что самоидентификация Бах-Зелевского "закладывалась в добровольном переустройстве собственной личности в соответствии с канонами германского национализма и расовой теории". Прагматично и методично он шёл к этой цели. В итоге перед нами предстаёт лихённая эмоций личность, тщательно взвешивающая и оценивающая только карьерные и политические аспекты с целью удовлетворения своих амбиций.

Моральная сторона массового уничтожения мирного населения его не трогала. Разрушения, приносимые войной, не заботят автора дневника: "Я пролетал над горящими партизанскими деревнями. Мне скорее захотелось приступить к работе... Во время приземления в Могилёве перед мной взором предстала... картина с сотнями разрушенных деревянных домов". Без эмоций упоминает Бах-Зелевский об уничтожении партизан и мирного населения: "Я приказал расстрелять всё мужское население деревни"; "Я приказал бомбить бандитские гнезда тремя самолётами"; "дома

были сожжены"; "совершил полёт... горящие дома освещали дорогу"; "пролетел над линией пылающих деревьев"; "провёл акцию по умиротворению" и т.д. 23 июня 1943 г. Бах-Зелевский зафиксировал: "Разминирование всей местности, которое ещё не состоялось, потребовало специальных защитных мер для жизни развёрнутых войск. При очистке минных полей около 2000–3000 жителей взлетело на воздух". Архивные документы, опубликованные в сборнике, посвящённой операции "Коттбус", ("Коттбус". Нацистская карательная операция в Беларуси, май — июнь 1943 г.: документы и материалы. Минск, 2018), показывают, как на практике происходило то, о чём пишет автор дневника. Бывший военнослужащий особого батальона СС И.И. Малиновский показал, что "в одном месте вблизи Палика была обнаружена заминированная местность. Чтобы обезвредить мины партизан и очистить путь продвижения батальону, немцы собрали группу советских граждан и гнали их по минному полю, при этом на минах погибло несколько человек, а остальные после этого, я слышал, были расстреляны". С.Г. Раткевич на допросе показал: "Чтобы избежать потерь и рассчитать минные поля, немцы стали использовать местное население. Выловленных в деревнях и лесах граждан каратели гнали впереди себя, и я видел несколько случаев, когда... подрывались на минах".

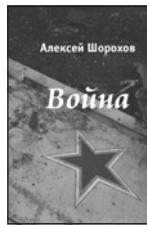
Неприятным открытием для Бах-Зелевского стало настроение местного населения, отмеченное им в начале 1943 года: "Русское население ожидает возвращения Красной Армии и, следовательно, большевистской системы. Умелая вражеская пропаганда в этом смысле обрабатывает, в первую очередь, националистические соединения. Эта пропаганда имеет частичный успех, в меньшей степени относящийся к большевистским настроениям". Однако чуть далее автор делает многозначительное пояснение: "Большевистское мировоззрение нельзя объяснить только пропагандистской работой. Коммунисты, вероятно, убеждены в своей мировой миссии".

Подготовленные И.И. Ковтуном и Д.А. Жуковым издания давно привлекают внимание профессиональных историков и читателей, интересующихся военной тематикой. Не станет исключением и данная книга.

Александр РЕПНИКОВ,
Елена МЯГКОВА

НА РУБЕЖАХ ОБОРОНЫ

О книге Алексея Шорохова «Война»

Алексей Шорохов. Война. — М.: Мастер-принт, 2021. — 36 с.

НЕБОЛЬШАЯ поэтическая книга Алексея Шорохова — событие не только в литературной жизни, но и значимая веха в судьбе самого поэта, побывавшего во многих "горячих" точках.

Время наше — далёкое от поэзии, круг читателей стихов заметно поредел даже на фоне прозы, зато читатель стал преданнее и разборчивее. Наверное, ещё и потому, что появилось множество поэтических симуляций, претендующих на авангард или глубокомыслие, лишённых искренности, подлинности чувств, когда вся ткань стиха, метафоры, образность, сама музыка поэтической речи подменяется конструктами холодного ума, порою, весьма изощрёнными. Стихи собирают, как Lego... Творчество подменяется технологиями. Так сегодня создаётся клиповая музыка или театр, паразитирующий на классике, далёкий от её высоких, идеальных задач, выворачивающий смыслы наизнанку... Здесь вспоминается гениальное предвидение А.С. Пушкина в словах Сальери в "Маленьких трагедиях": "Звуки умертвие, / Музыку я разъял, как труп. Поверил / Я алгеброй гармонии..."

Вокруг немало подобных Сальери...

Алексей Шорохов — поэт с чутким слухом и неравнодушным сердцем, наделённый редким даром: улавливать в нашей реальности заглушаемые скрежетом информационной цивилизации боль и биение естественных побуждений и эмоций человеческой жизни, не одномоментной, а длящейся в пространстве времён, укorenённой в традиции и судьбах предков, когда каждый из нас, пусть и не ощущающий этого, — звено в цепи истории поколений. Шорохов видит Россию именно так: "В круженье нашествий, времён и светил", пусть и не осознавая до конца, откуда в нас "эта вечность течёт" ("Новороссия"). И что бы ни происходило с Россией, с нами, у А. Шорохова через всю книгу проходит чёткое знание о себе как о русском поэте, воине, стоящем в "завещанном дозоре" на рубежах обороны — своей историей, родного слова, памяти...

Это мужественная лирика, бесстрашно вглядывающаяся в нашу действительность последнего тридцатилетия — редкое свойство сегодня, в век феминизации, тем более название книги — "Война" — не случайно, объясняет, отсылая к словам знаменитой композитици В. Цоя, тоже своего рода пророка, "Между землёй и небом — война" из альбома "Группа крови" (1988 г.) или к драматическим строкам из военного цикла В. Висоцкого: "наши мёртвые нас не оставят в беде, наши мёртвые, как часовые..."

Наши мёртвые — это и танкист, "сгоревший в броне" в ночь штурма Грозного в 1995-ом, обнимающий на заоблачном мосту старика-отца, и русские лётчики, сбитые на Кавказе, — в трагическом и совершенном по образности стихотворении "Скрябинские этюды", и неизвестный замученный пленный солдат "без глаз, головы, языка", с улыбой ушедший в другую вселенную...

И Лермонтов — ведь время нераздельно! — что-то пишущий в мгновения "между схваток" "под сенью чинара" в одиночном стихотворении, — полным звуков, запахов и красок наброске горской жизни в полдневной зной, готовый в любую минуту окраситься кровью:

В воздухе пахнет душицей и смертью...
Листья звенят тонкокожаной медью,
Дремлет селение, бредит базар...

Стихи о боях в Новороссии, перепевы казацких песен и народных образов, посвященные отцу-фронтовику проникнуты не только трагизмом и тревогой, но и светлой надеждой на поддержку в праведных битвах небесного воинства, и это стойкое ощущение своей правоты, нашей правоты, правоты Вечной России придаёт каждому лирическому высказыванию поэта совершенство и глубину. Потому что с верой, что "тьма не задавит свет" приходит и радость осознания: "Потомки не оставят бой / Там, где нас больше нет..."

И эти строки вновь уводят нас в традицию, теперь — к Александру Блоку...

Людмила ЛАВРОВА

Андрей Казачкин. Энергия Любви (Образ грядущей Цивилизации). — СПб., 2021. — 164 с.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ поэт-любимудр произрэк: "Во всех вещах и явлениях мира пленено то Божественное Слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изнать все явления, раскопывать Вселенную" (М. Волюшин). Мы бы со своей стороны слегка расширили сию мысль: цель "отыскать Божественное Слово", кое позволит "угадать подлинное имя каждой вещи, изнать все явления", се есть и цель Философии, достойной своего имени...

Собственно, были времена, когда Поэзия и Философия не были максимально далеки друг от друга: "василевс философ" Платон вместе с тем и изрядствующий Поэт. А ежели брать лишь церковно-христианский контекст, то те из Отцов Церкви наиболее "философичны", кои наряду с сим и наиболее "поэтичны" (пример св. Григория Богослова или св. Иоанна Дамаскина в его "Октоихом" (поэзия) и "Источником знания" (философия) говорит сам за себя). Философствование Андрея Казачкина можно назвать "поэтическим", ежели не по стилю, то по целеполаганию, ибо оно у него сообразно целеполаганию "Отцов" (Отцов Философии и Отцов Церкви). А. Казачкин — философ "недипломированный", не имеющий никакого касательства к "институциональной философии" "доцентов с кандидатами", и это — его немалое до-

ДЫХАНИЕ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Энергия Любви» Андрея Казачкина

стоинство. Ибо всё наиболее интересное в Философии (по крайней мере, в философии Нового времени, разошедшейся с Поэзией как в целеполагании, так и в "методологии") явило себя как раз "вне стен школьных кафедр"...

В самой фамилии нашего вольного философа сквозит нечто несистемное: казак человек вольный... Основной вопрос "казака от философии" А. Казачкина — вопрос о Человеке, "угадывание подлинного имени его"... Ибо человек в Современном Мire превратился в проблему для самого себя и для всей Вселенной (как ни громко sie может звучать, это так). Современный человек ни в отношении Бога Творца, ни в отношении Творения, ни в отношении себя самого не занимает того места, кое ему предначертано занимать, согласно Божественному замыслу о его предназначении и бытии в Божием Мire... Человек наделён космической ролью в Мire, его взаимоотношения с Первоосновой всех вещей в идеале должны быть не рабскими, а, ежели позволительно так выразиться, партнёрскими. В Человеке "Логос, согласно которому устроен Мир, становится актом, в котором можно соучаствовать" (Макс Шелер). Человек — не дробная часть Вселенной, не

ея осколок, а микрокосм, малый мир, чья структура подобна Макрокосму, большой Вселенной. А принимаю во внимание тот Факт (именно с большой буквы), что Божественный Логос (согласно которому всё устроено) облекается именно в человеческую форму, вочеловечивается, становится Макрокосмом в микрокосме, то космическая роль человека неизменно возрастает. Всё, происходящее в человеке и с человеком, приобретает мировое значение и отпечатывается на космосе. "Всякое действие его оказывает влияние на невидимые миры, и, в зависимости от своего характера, притягивает либо благословение и освящение с Правой стороны, либо зло и нечистоту — слевой" (М. Лайтман). Мы намеренно процитировали автора-каббалиста: не берёмся здесь подробно разбирать, что истинно и что ложно в Каббале, отметим лишь, что любая истина, где бы и кем бы она ни была высказана, для христианства, как Религии Истины, становится своей, а любая ложь, даже и высказываемая от имени христианства (что, увы, не является редкостью, особенно сегодня), является априори не-христианской... Мы процитировали каббалиста не только потому, что приведённое нами высказывание ис-

тинно, но и для характеристики, так сказать, "творческого метода" А. Казачкина: это "казацки набеги" в философское "дикое поле" теософии, оккультизма и т.п. и добывание там "философского дувана" для Истинной Церкви. "Дуваном" у казаков называлась, напомним, военная добыча, и под определённым углом зрения трактат А. Казачкина "Энергия Любви" се есть попытка "дуванить дуван" Философии...

Верьнёмся, впрочем, к судьбам человечества, Земли и цивилизации... Деяния и чаняия современного человека все более и более притягивают "левую сторону". Современный человек — это "отчуждённое, растерянное, дезориентированное существо. Жизнь ставит пред ним гигантские задачи, но он неспособен даже понять, оценить всю ту огромную ответственность, которая днесь ложится на него, не в состоянии ни понять, ни выполнить своё предназначение как регулятора жизни на Земле". Мы привели характеристику современного состояния человечества, принадлежащую Аурелио Печчеи, основателю и первому президенту Римского клуба, исследовавшему глобальные модели развития человечества. Несложно заметить, что мысль А. Казачкина "от-

талкивается" от круга проблем, обозначенных Римским клубом. Но имеется важное отличие: Римский клуб, как и множество идеологов "Нью-Эйдж", озабоченным поиском "новой парадигмы" для Цивилизации, зашедшей в тулуп, похоже, "приняли на веру", что на дворе "пост-христианское время", и "старую религию" Европы (откуда есть пошёл "цивилизovaný" мир) — христианство, не "принимают в расчёт", не ждт от него "ничего нового". А. Казачкин убедительно показывает, что это далеко не так. Есть казачий "философический порок" в христианских "пороховницах". Христианам есть что предложить "Граду и Мiru"... Следует остановить умственный взор и на основном Имени, можно сказать, Имени Имён — Любви. Под "любовью" чаще всего понимаете то или иное субъективное "чувство": это может быть "любовь к трём апельсинам", "любовь к занятиям любовью", не суть важно... Меж тем как Любовь — в качестве Имени Имён, есть и преимуществонное имя Божие, и имя "высшей управляющей Энергии Мироздания" во всём многообразии ея проявлений, и в этом смысле Любовь вполне себе "объективна". А человек в провиденциальном "плане Логоса" есть не только "образ Мира", но

и "образ Бога", взятого в совокупности Его многочисленных атрибутов, энергий Божественной Любви. И в этом качестве человек призван быть "проводником" Энергии Любви в Мире... И что же, как не христианство, сия Религия Бога Любви rag excellence, должно "напомнить" человеку об этом его сверхвысоком предназначении? Вот оно, устами одного из своих апологетов, Андрея Казачкина, и "напоминает"...

Сегодня, как никогда прежде, "судьба Духа" есть и судьба социального, политического, экономического, вообще цивилизационного порядка. Мир стоит на пороге Новой Цивилизации. Но её появление не гарантировано. Современный мир вполне может предпочесть либо бездумное скольжение в пропасть по стезе "левой стороны", либо попытки отсрочить крах, пережив груз проблем на страны мировой периферии (как это делалось до сих пор), или начав "потрошить" мидл-класс в странах "золотого миллиарда" (что вероятно), сокращая его до "золотого миллиона"... Тем не менее, Дух не есть некая абстракция, он есть реальная Сила, а посему и "судьбы Духа" в Современном Мire имеют некие "не-нулевые" шансы на то, чтобы повернуть судьбы Вселенной в Правую сторону... В начале ныне, как и присно, есть Слово. Слово есть Дух, и Слово есть Сила... Конечно, книга сама по себе не может изменить мир, но книга, заключающая в себе Слово Духа, может изменить прочитавшего её человека, который сможет изменить мир... Пожелаем подобной судьбы книге Андрея Казачкина...

Роман РАСКОЛЬНИКОВ